

ему, крестьянскому бунтовщику, обретает свое счастье маменькин сынок, барин Гринев.

В пестроте разнонаправленных стремлений читатель отчетливо видит, что за спиной Пугачева – огромная масса крестьянства, которая любит своего “царя”; величавая фигура крестьянского вождя постепенно в произведении приобретает эпические черты. Таков Пугачев в народных песнях и легендах, таков он и у Пушкина.

Глубокая любовь Пушкина к русскому народу позволила ему вылепить полнокровные образы своих героев (...). Здесь, писал Н.В. Гоголь, “в первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей”.

Дядька Савельич не просто слуга барчука Гринева, он его ангел-хранитель, больше того – его совесть. Преданный до самозабвения, он неоднократно спасал своего любимца, и Гринев не мог этого не оценить. Старый служивый капитан Миронов в семье часто бывал под каблуком у властной супруги, но в роковые минуты он – мужественный солдат, верный присяге; повинувшись судьбе, он кончает жизнь на пугачевской виселице “без славы и богатства”. Этот мужественный человек внушает даже Пугачеву большее уважение, нежели бывший гвардейский офицер Швабрин, бесчестный интриган и развращенный аристократ. Во имя личных выгод Швабрин готов предать все и всех. Однако не таковы простые люди, жертвы царской власти, которой они преданы, и только потому казнены Пугачевым. Их искренне любит писатель, иногда он иронизирует над ними, но пишет о них с трогательной нежностью.

Любовь Петруши Гринева и капитанской дочери Маши Мироновой составляет лирическую тему романа, подобную овейному русскими снегами стихотворению, чистому и нежному. В этой любви все подлинно и бескорыстно, она в этом смысле необычна для дворянского общества того времени, где браки нередко совершались по расчету.

“Капитанская дочка” – это историческое повествование об ушедшей эпохе, и каждая подробность здесь достоверна, а герои жизненны, насколько не похожи на актеров, живые черты которых неразличимы под слоем румян и пудры (...).

В.Г. Белинский назвал “Капитанскую дочку” “Онегиным в прозе”, кристально чистым зеркалом, отразившим великую историческую эпоху (...). Н.В. Гоголь, передавая непосредственное впечатление, произведенное на него “Капитанской дочкой”, говорил, что все прежние романы и повести по сравнению с ней показались ему “приторною размазною. Чистота и безыскусствен-

ность взошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной”.

А.С. Пушкин более известен как поэт, но и проза его по праву считается эталоном русского повествовательного стиля (...). Пушкинская манера рассказа чуждается излишних подробностей и не отягощена изысканными перифразами. Проза его отмечена качеством благородной простоты, какая под силу только гениям пера. Простая и ясная пушкинская фраза запечатлевает лишь самое необходимое в жизни и потому глубоко западает в душу читателя, тревожит его творческое воображение. И потому проза Пушкина требует внимательного чтения, только тогда из-под бесхитростных слов мелькнет обаятельная улыбка, станет доступной душевная трогательность пушкинского слова» [2, с. 8].

В интерпретации “Капитанской дочки” вьетнамским переводчиком придирчивый глаз может различить некоторые черты вульгарно-социологических оценок. Но такова была господствующая трактовка творчества Пушкина и в советском литературоведении 1950-х годов. Нужно правильно понять и “социальный заказ”, обусловивший появление во Вьетнаме пушкинского романа с его сложной социально-исторической проблематикой. В то время шла война вьетнамского народа с американскими агрессорами.

Важнее все же отметить другое: тонкость переводчика в характеристике гуманистического пафоса и благородно-простого стиля пушкинского романа. Именно это и определило успех перевода Као Суан Хао, вышедшего двумя изданиями.

Обыденное представление о том, что перевод прозы значительно легче перевода поэзии, – грешит, по крайней мере, сильным преувеличением. От переводчика-прозаика требуется доскональное понимание фактической основы произведения, обостренное чувство стиля и сообразности в воспроизведении на своем языке колоритных реплик. Приведем лишь два характерных отрывка, способных поставить в тупик самого опытного переводчика:

“Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гости, черти на погосте.” – “Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов”.

“Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенец на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, – все было как в обыкновенной избе”.